

**Всероссийская научная конференция молодых ученых
«СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ РЕШЕНИЙ».**

Ростов-на-Дону, 20 июня 2013 г.

(секция: философия)

**Понятие собственности на духовные ценности
в отечественной философии**

Д.Ф. Бабенко

г.Армавир, Армавирская государственная педагогическая академия

Актуальная проблема интерпретации собственности для своего адекватного решения требует возвращения к своим основаниям. Рассмотрение собственности на духовные ценности на современном этапе в России во многом исходит из понимания собственности русской философией. В конце XIX в. - первой половине XX века в рамках религиозного направления В.С.Соловьевым, Г.Г.Шпетом, Н.А. Бердяевым и другими мыслителями был сформирован критический подход, основанный на связи предшествующих течений с современными отечественными школами. Не отрекаясь от сложившейся в течении многих веков европейской философской традиции, представители этого направления применили труды Платона, Ницше, Шопенгауэра, Джемса, а также ценные идеи патристики, неокантианства, немецкого классического идеализма, феноменологии и др.

В частности, для В.С. Соловьева философское определение собственности заключается в «идеальном продолжении личности в вещах» [1]. Н.А.Бердяев, не видя возможность умственной и духовной жизни человека без экономической основы, все же отмечает, что смысл и цель жизни лежат вовсе не в развитии материальных отношений [2]. Г.Г. Шпет, в свою очередь выделял феномен проблемы личностных характеристик собственника сознания [3].

Попытки дать определение духовной собственности в рамках современной отечественной философской мысли прослеживаются в работах таких исследователей, как Г.Л. Тульчинский и И.А. Латыпов. Анализируя проблему духовной собственности в современной России, Г.Л. Тульчинский выделяет ее как

способ понимания идеи собственности [4]. Наряду с этическими, эстетическими и религиозными видами духовной собственности, И.А.Латыпов особо выделяет дальнейшую перспективу развития интеллектуальной собственности с характерными для нее рационально-инновационными особенностями [5].

В эпоху социокультурной глобализации, в которой духовная собственность стала ключевым моментом перехода к информационному обществу, нерешенным остается один из важнейших вопросов рассматриваемой темы – вопрос о понятии собственности на духовные ценности. Ответив на него, станет возможным формирование системы понятий, используемой в анализе собственности на духовные ценности. В данном контексте, собственность на духовные ценности можно понимать как право распорядиться не только результатом, но и процессом применения творческих способностей автономной личности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Соловьев В.С. Оправдание добра // Русская философия собственности XVIII-XX вв. – СПб.: СП «Ганза», 1993. С. 164-182.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Письмо двенадцатое // Русская философия собственности XVIII-XX вв. – СПб.: СП «Ганза», С. 303-304.
3. Шпет Г.Г. Сознание и его собственник // Философские этюды. – М.: Прогресс, 1994. С. 20-116.
4. Проективный философский словарь: новые термины и понятия (под редакцией Тульчинского, Г.Л., Эпштейна М.Н.). – СПб.: Алетейя, 2003. – 512 с.
5. Региональное законодательство [Электронный ресурс]. URL: <http://sioi.conf.udsu.ru/files/1252608613.doc> (дата обращения 02.03.2013).

Тенденции развития компьютерной игры в социально-экономическом контексте

А.В. Вишневский

г. Омск, Омский государственный педагогический университет

Индустрия компьютерных игр развивается невиданными темпами. Еще 20 лет назад игра представляла собой достаточно простой набор элементов, с примитивной двухмерной графикой. Спустя годы, развитие компьютерной игры достигло невероятных результатов. Здесь следует отметить огромный скачок в динамике игры – сейчас игра не просто набор линейных последовательностей, но сложный многовариантный мир, зависящий от поведения игрока.

С момента создания А.Э. Сазерлендом первого шлема погружения в виртуальную реальность, создано огромное количество прототипов устройств для считывания и манипуляции с виртуальной реальностью. Появление игрового контроллера Kinect разработанного компанией Microsoft как полноценного устройства, а не прототипа, может существенно изменить вектор развития не только игровой индустрии, но и средств манипуляции с виртуальной реальностью в целом. Kinect представляет собой бесконтактный сенсорный контроллер, считывающий положение человеческого тела в пространстве и передающий команды игровому персонажу. Подобная технология на данный момент позволяет максимально сблизить тело виртуальное с телом физическим, что позволят глубже взглянуть на фундаментальные вопросы виртуальной реальности. Здесь интенциональность физического тела соединяется с иконическим и символическим виртуального тела.

В последние годы развития игровой индустрии, игра становится не только развлечением, но и особой ценностью. Премьер-министр Польши Дональд Туск в 2011 году дарит Бараку Обаме специальное издание игры The Witcher 2: Assassins of Kings [1] – игра разработана польской студией CD Projekt RED и является гордостью страны. В Нью-Йоркском Музее современного искусства создают коллекцию значимых игр в истории [2]. Игра становится частью искусства.

В мае 2012 года состоялся релиз игры Diablo 3 от студии Blizzard Entertainment. Уникальный случай в истории игровой индустрии – более 3 миллионов копий куплено за первые сутки. Но важно другое – спустя год

студия опубликовала статистику по игре: общее проведенное время в игре людьми около 3 миллиардов часов [3]. Несмотря на успех игры, игровое сообщество требует продолжения, расширения функционала, развития мира. Это своеобразное стремление к мощи, воля к мощи. Д.В. Галкин отмечает, что компьютерные игры создаются для анонимного потребителя, «Это аморфная статистическая (только подсчитываемая) "масса", где люди атомизированы, разобщены и нет никакой нужды в том, чтобы между ними возникло чувство единения» [4], что не совсем верно. Во-первых, существуют узконаправленные игровые проекты с определенной аудиторией, как например основанные на комиксах Marvel Comics. Во-вторых, игровое сообщество обладает свойством самоорганизации и саморегуляции. Авторитеты в игровом сообществе возникают не благодаря студии разработчику, а вопреки. На данном этапе развития игровой индустрии, разработчику приходится обращать внимание на игровое сообщество, а авторитет выступает как транслятор идей и пожеланий. Существует огромное количество примеров намечающегося поворота в развитии индустрии, когда игровое сообщество напрямую выступает заказчиком игры и принимает участие в разработке.

Таким образом, современная игра представлена не только в форме развлечения, это особая виртуальная ценность, врывающаяся в реальный мир. Она охватывает огромное количество людей под одной целью, разного статуса и происхождения, различные области научного знания. Это не просто аморфная масса, это огромный человеческий ресурс. Задача современной науки и Российской в особенности, обратить внимание на этот ресурс, сформировать новую парадигму игры, переориентированную с экономической, где главным видится игрок как потребитель. Необходима выработка возможных форм и методов взаимодействия с этим ресурсом и формирование междисциплинарного подхода к исследованию феномена компьютерной игры.

ЛИТЕРАТУРА :

1. Польский премьер подарил Обаме "Ведьмака 2" // URL: <http://lenta.ru/news/2011/05/30/obamer/> (дата обращения 09.06.2013)
2. Video Games: 14 in the Collection, for Starters // URL: http://www.moma.org/explore/inside_out/2012/11/29/video-games-14-in-the-collection-for-starters (дата обращения 09.06.2013)

3. Diablo III's One-Year Anniversary Infographic // URL: <http://eu.battle.net/d3/en/blog/10059412/diablo-iii%E2%80%99s-one-year-anniversary-infographic-22-05-2013> (дата обращения 09.06.2013)
4. *Галкин Д.В.* Компьютерные игры как явление современной культуры: Учебно-методический комплекс. Томск, 2007.

**Значимость проблемы самореализации личности
в философском исследовании**

Ю.Н. Ворожко

*г. Ростов-на-Дону, Северо-Кавказский научный центр высшей школы
Южного федерального университета*

В условиях современности актуальность философско-антропологического исследования проблемы самореализации личности в свете ее социокультурных оснований обусловлена противоречием между значительно обострившимся интересом современного человека к самостоятельному выбору сфер и способов жизненного самоопределения, с одной стороны, и затрудненностью социокультурных механизмов воплощения в социуме осознанного смысло-жизненного предназначения, – с другой. В современных условиях личность постоянно сталкивается с социокультурными установками, препятствующими культивированию аутентичности, проявлению креативности.

Происходит процесс нивелирования невыгодной для существующих социально-экономических и политических систем личностной аутентичности, проявленной в форме критической установки по отношению к ухудшению условий выживания и развития. С другой стороны, бесконтрольность по отношению к ключевым сферам социокультурного пространства, фактическое отсутствие целевых установок по отношению к формированию социально значимых личностных качеств привело бы к подрыву и последующему уничтожению фундаментальных оснований оптимальности события человека не только в условиях конкретной культуры, но и в межкультурном взаимодействии. Острая необходимость выработки вариантов эффективного разрешения данного противоречия, существующего в динамико-структурных основаниях социокультурного пространства самореализации личности, – еще одна

причина необходимости ее всесторонней, целостной, междисциплинарной, интегральной философско-антропологической рефлексии.

В нашем исследовании представлена в системном изложении специфика экспликации феномена самореализация личности в культурфилософском контексте как пробуждения и становления его человеческой сущности. Проведен сопоставительный парадигмальный анализ феномена самореализации личности и выявлен его философско-антропологический смысл за счет обнаружения ключевых антропологических констант, находящихся в синтетическом единстве и обнаруживающих диалектику самотрансценденции и самоидентичности. Раскрыты основные социокультурные механизмы становления личностного потенциала в условиях современности за счет выявления атрибутивных показателей процесса инкультурации и социализации. Дана философская характеристика основных сфер самореализации личности в условиях современного социокультурного пространства в свете обнаружения спецификации гетерохронности брачно-семейной, досуговой и профессиональной составляющих. Кроме того выявлены ключевые социокультурные и личностные детерминанты самореализации, специфика самореализации личности в культуре постмодерна в условиях тотального плюрализма смыслов, стилей и способов оценки бытия. Показаны идеальные и ценностные основания самореализующейся личности в прогрессирующей современной социокультурной реальности.

ЛИТЕРАТУРА :

1. *Субботин А.И.* Формы социального самовыражения самосознающего индивида // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1.
2. *Гончаров В.Н.* Социально-философские аспекты исследования информационного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 5. С. 34-37.
3. *Колосова О.Ю.* Антропологическое измерение глобальных проблем современности // Научные проблемы гуманитарных исследований. - 2009. № 1. С. 126-131.

Социальное доверие как объект междисциплинарного знания

И.В. Глушко

*г. Зерноград, Азово-Черноморская государственная
агроинженерная академия*

В последние годы категория доверия все более актуализируется в социальном и гуманитарном знании. Именно доверие называется главным условием эффективности как рыночных институтов, так и институтов гражданского общества, которые усложняются по мере развития общества, что делает востребованными более сложные модели социального действия и взаимодействия, в том числе и основанные на разных формах доверия. Актуальность задается также и практическими запросами современного общества, в том числе российского, отягощенного проблемами отчуждения и недоверия.

Проблема социального доверия носит междисциплинарный характер. Анализ изученной литературы по данной проблеме позволяет нам сделать вывод о том, что наиболее разработанными являются научные подходы, различающие доверие как социологический и социально-психологический конструкты. В числе актуальных исследований последних лет находятся также экономический аспект доверия и его проявления в различных областях социально-экономической практики. Обращение к исследовательским результатам позволило нам выявить недостаток исследований доверия как философского конструкта, а также междисциплинарных исследований доверия как целостного социального феномена. Чаще всего данный феномен рассматривают односторонне, с точки зрения его рефлексивного аспекта, преувеличивается когнитивная его составляющая. Стоит, например, упомянуть концепции, в которых доверие трактуется как результат принятия решения на основе калькуляции соотношения затрат и результата (выгоды, эффекта), или как стремление минимизировать риски в социальном взаимодействии. В большинстве же философских исследований присутствует лишь мотив доверия в контексте изучаемых авторами более общих проблем, или же доверие сегментировано в социальных практиках.

Мы предприняли попытку изучить данный феномен с точки зрения объединения методологических подходов разных отраслей гуманитарного знания и выяснили, что данный синтез исследовательских парадигм весьма

плодотворен, так как позволяет вывести исследовательские результаты на новый научный уровень; дает, на наш взгляд, плодотворную возможность выявить глубинные гносеологические, онтологические, а также аксиологические и праксиологические основания доверия как целостного социального феномена через комплекс разных факторов - межличностных, личностных, институциональных и социально-культурных.

В междисциплинарном подходе данный феномен может быть подвергнут детальной методологической проработке в единстве его эмоционального, когнитивного и поведенческого аспектов. Это даст возможность выявления и уточнения уже существующих подходов к категоризации феномена доверия в рамках отдельных наук; различения границ близких по смыслу к доверию категорий доверчивости и доверительности, уверенности и веры, понимания и согласия, а также других нравственно-этических категорий. Эвристический потенциал мультидисциплинарного подхода дает возможность, на наш взгляд, по-новому интерпретировать соотношение данных понятий, а также создавать новые понятийные конструкты, связанные, в том числе, с антиномиями современного социума. Несмотря на отмеченные асимметрию и антиномичность, осложняющие его формирование и развитие, доверие как комплексный социальный феномен обладает определенным модернизационным потенциалом, имеющим значение для современного этапа развития российского общества.

«Научное знание» и «научная информация»: проблема соотношения

В.Н. Гончаров

*г. Ставрополь, Ставропольский государственный
педагогический институт*

Процесс научного познания и применения научных знаний в деятельности людей непосредственно связан «интуитивным познанием» [1], «с областью философского знания, имеющего своим предметом образование» [2]. «Обучение, образование и воспитание приобретают специфическое содержание, формы и методы» [3]. Соотношение понятий «научное знание» и «научная информация» остается неопределенным.

С целью основательного различения рассматриваемых понятий мы используем тот факт, что развитие науки связано не только с приращением нового знания. Полученные знания надо упорядочивать, систематизировать и передавать, транслировать в приемлемых формах. Данный аспект можно назвать научно-коммуникативным. Оба аспекта в совокупности представляют науку как определенную социальную деятельность, определенный социальный институт. Эти аспекты позволяют провести различие между понятиями «научное знание» и «научная информация».

Научные знания представляют собой знания о сущности, свойствах, связях и закономерностях явлений, «управления взаимоотношений человека и природных систем» [4].

С учетом второго аспекта, можно сказать, что научная информация есть такое научное знание, которое включено в научно-коммуникативные процессы. Научное знание превращается в научную информацию, когда функционирует лишь «в системах социальной коммуникации, в социуме» [5]; вне этой системы оно не является научной информацией.

Ускорение хода исторического развития, расширение и углубление научно-технической революции, сопровождающегося бурными социальными изменениями привели «к поляризации индивида и общества» [6], к тому, что активно действующий в настоящее время человек оказывается в противоречивой ситуации, получившей название информационного кризиса. Он существенно связан с восприятием, хранением, передачей, переработкой и использованием многообразных и мощных потоков информации.

ЛИТЕРАТУРА :

1. Камалова О.Н. Проблема интуитивного познания в иррациональной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. №4. С. 68-71.
2. Несмеянов Е.Е. К проблеме предмета философии образования // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 5. С. 165-172.
3. Говердовская Е.В. Состояние, проблемы и перспективы эволюции высшего профессионального образования // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2008. № 11. С. 30-37.

4. *Колосова О.Ю.* Проблема интеграции знания в экологической картине мира // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 1. С. 38-42.
5. *Бакланов И.С.* Социум и функции знаний // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2005. № 3. С. 93-98.
6. *Микеева О.А.* Проблема конструирования персональной идентичности в аспекте индивидуальной историчности // Философия права. 2009. № 6. С. 65-69.

Основания цивилизационной идентичности

М.А. Губанова, А.Д. Похилько

г. Армавир, Армавирская государственная педагогическая академия

Наша задача - выявить степень разработанности проблемы оснований цивилизационной идентичности в философском аспекте. Актуальность проблемы заключается в необходимости решения назревших задач использования творческого потенциала личности для ее саморазвития в диалоговых формах. В отношении политических и правовых ценностей очевидно, что основой гражданского общества является автономная личность. Цивилизационная идентичность - термин, обычно маркирующий принадлежность индивида, личности или группы людей к определенной цивилизации. Европейская цивилизация рационалистична, основана на науке и технике. Соответственно личностная автономия и индивидуальность интерпретируется в аспекте разумности человека. В российской духовной культуре большую роль играют ценностные основания.

Личностная автономия – это норма отношения личности к социуму через окружающую ее культурную среду, норма как мера принятия и непринятия этой среды. В России традиционно слаба личность и личностная автономия, невысок уровень толерантности к личностной автономии. Личность в России слишком зависит от социальных структур и традиционных культурных ценностей. В связи с этим развитие диалога и развитие автономности личности в ценностном аспекте, очевидно, совпадают. Цивилизация содержит в себе тенденцию к монологу и обеднению человеческого содержания культуры.

Диалог – это адекватное информационное и ценностно-смысловое самораскрытие индивидуально-личностной автономии, которое дает шанс на Встречу с Другим, личностью, или же подлинным образом культуры. В таком случае диалогическая этика трактуется как культурное формообразование, которое обеспечивает обмен ценностями, выступая в виде жизнотворчества. Аналогично и диалогическое право означает не слепое следование наличным нормам, а особое правопонимание и правотворчество в горизонте идеала справедливости. И мораль, и право исходят их автономного, суверенного индивида, который раскрывает свою автономность в диалогическом взаимодействии с другими индивидами. В правовом диалоге более отчетливо выражен момент социальности. Суть коммуникативного действия состоит в необходимости и неизбежности для индивидов самим отыскивать и применять такие рациональные основания, которые способны убедить людей, склонить их к согласию. Цель и правового, и этического диалога заключается в том, чтобы находить взаимопонимание, уменьшать насилие и увеличивать ненасилие.

Поиск самобытной идентичности русского человека в истории в русской духовной культуре идет во многом через критику западной цивилизации с ее одномерным человеком, интегрированным в общество потребления. Поэтому следует подчеркнуть практическое следствие из анализа автономности национального сознания: нельзя механически переносить в Россию западную цивилизацию, подменять традиционные духовные ценности русского человека усредненной массовой культурой. Идея релевантности духовной культуры помогает лучше осмыслить проблему исторического конструирования в России. Русская экзистенциальная ментальность закономерно выражается в автономии нравственного и эстетического сознания. И наоборот, нравственное и правовое сознание формируют идентичность субъекта на своих собственных внутренних основаниях свободы. Увеличение значимости цивилизационной идентичности требует усиления внимания к правовому диалогу.

Таким образом, проблема цивилизационной идентичности позволяет применить идею диалогического характера автономии индивидуальности к исследованию феноменов диалогической этики и диалогического права как оснований для понимания динамичной идентичности.

Философия прав человека в контексте российской реальности

Д.С. Гунько

г. Армавир, Армавирский православно-социальный институт

Проблема прав человека – это проблема поля его возможностей. В ситуации фундаментальных культурно-цивилизационных изменений современного общества важным становится философско-антропологическое осмысление личностных прав человека [1]. Рассмотрим два самых фундаментальных права – на жизнь и свободу.

Право на жизнь означает в то же время и право на собственную смерть. В этом состоит основное мировоззренческое и практически значимое внутреннее противоречие данного фундаментального права. Врач, который возвращает к жизни самоубийцу, как будто бы действует абсолютно правильно; но, с другой стороны, – он (не ведая того) нарушает суверенную и ясно выраженную волю личности, желающей расстаться с жизнью, то есть вполне самостоятельно распорядиться своим правом на жизнь. Он автономен и не нуждается в опеке.

Противоположная точка зрения получила название патернализма. Патернализм в этике – это позиция сильного по отношению к слабому, состоящая в том, что за защиту слабому приходится платить человеческой свободой, потерей личностной автономии. В качестве субъекта опеки слабого может выступать государство, коллектив, семья. Не случайно слово «патернализм» происходит от латинского слова «отец». Отецеская, т.е. формальная, в частности, правовая забота отличается от материнской любви, которая ничего взамен любви и заботы не требует. Великий инквизитор у Достоевского не против свободы, но только свободы формальной. Диктатор покушается на свободу мысли, свободу совести. Парадоксальным образом сталкиваются смысл истории и смысл человеческой жизни. Смысл истории в том, чтобы все рационализировать и навести порядок, установить жесткие нормы, за соблюдение которых люди поощряются, а за отступление – караются. Смысл жизни индивида в подчинении материальным, объективным законам. Свобода – это «познанная необходимость».

Парадоксы свободы заключаются в том, что существование свободы невозможно доказать, но без нее нельзя существовать и ее приходится постоянно отстаивать. В частности, даже умирающий человек имеет особое право на сво-

боду. Самоубийство здорового человека еще более парадоксально: человек отказывается от жизни по духовным мотивам. Абсурдность жизни и смерти вступают в острое противоречие. Самоубийство - результат экзистенциального кризиса, который имеет под собой серьезные социальные основания. Человеку кажется, что ему не преодолеть тяжесть проблем и трудностей. Это стремление к суициду оказывается своеобразным «бегством от свободы».

Российская реальность, отражаясь в правовом сознании, неизбежно порождает противоречия и парадоксы, связанные с традиционными культурными контекстами. Культурное и антропологическое измерение правового сознания содержат в себе острые диалектические противоречия, которые необходимо разрешать как в теории, так и на практике. Проблема права человека на жизнь и свободу является центральной. От нее зависят другие права человека.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Садово-Румянцев В.Ю., Похилько А.Д. Личностные права человека в гражданском обществе // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 5. С. 28-31

Игра как стратегия и модель построения постмодернистской реальности

Ф.Г.Емельянов

*г. Йошкар-Ола, Поволжский государственный
технологический университет*

Игра - универсальный и необходимый атрибут постмодерна, соблазн и вызов современной цивилизации, способ диалога человека с человеком и человека с миром, испытание возможностей бытия. Игра - доминанта, стратегия и модель построения постмодернистской (симулятивной) социокультурной действительности. Рассмотрению этих аспектов феномена игры как явления, онтологически амбивалентного и требующего междисциплинарного подхода, посвящено данное исследование.

Философский подход к игре как способу взаимодействия человека с реальностью основан на работах Канта, Хейзинги, Финка, Фромма, Гадамера,

Бодрийара и других классиков. Кроме того, анализ литературы по проблемам игры (Фукуяма, Берн, Мерло-Понти, Мамардашвили, Эльконин, Каган и др.) позволяет рассматривать моделирование реальности с применением игровых элементов как один из способов выстраивания отношений человека с миром.

Сегодня игровое моделирование применяется в разных областях: учебно-профессиональной деятельности, искусстве, психологии, спорте, политике, экономике, математической теории игр, причем в каждом конкретном случае опирается на факторы, обусловленные конкретной сферой применения.

Двойственный характер человеческого бытия, несомненно, отражается и на двойственности игры [1,2]. Когда-то такие дихотомические ее признаки, как регламентированность - вариативность, свобода - напряжение, реальное - виртуальное, рациональное - иррациональное, абсолютное - трансцендентальное были разведены по разным полюсам. Постмодернизм, пересматривая классическую онтологию, разрушил диалектику бытия и игры, способствовал их взаимопроникновению и взаимопревращению [3,с.134-136]. Современный человек создает и воплощает им же созданные сценарии: ведь в нелинейном непредсказуемом динамичном пространстве, полном случайностей и изменчивостей, выживают «только быстро и гибко самоорганизующиеся системы» [4,с.25]. В игризированном обществе индивиды привыкают к двойственности, характерной для игровой ситуации, когда все одновременно и реально, и нереально (конструирование многочисленных имиджевых «я», проигрывание различных ролей, виртуальное общение, тотальная ирония, карнавальность и шоутизация). Хаос и непредсказуемость порождают, с одной стороны, настроение пессимизма и трагичности, а с другой - стремление к активному «пересотворению» и пересозданию мира. Играя, человек пытается построить вокруг себя новое виртуальное пространство, отгородившись от бессмысленной хаотичности «скучной реальности». При этом он получает возможность существовать в воображаемых времени и пространстве – удобных, приятных и понятных для него. Оказалось, мир можно приспособить «под себя», надев на него маску желаемого (сегодня компьютерные технологии, и наука, и искусство позволяют легко сделать это).

Итак, игру следует рассматривать как творческую способность человека к самостоятельному конструированию реальности. При этом важно, чтобы индивидуализированный образ человека не «утонул» в пересоздаваемом им мире, чтобы игра не подменила собой «настоящую реальность».

ЛИТЕРАТУРА :

1. *Мазрова Н.А.* Философский смысл игры в моделировании социальной реальности/ Н. А. Мазрова [электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/filosofskii-smysl-igry-v-modelirovanii-sotsialnoi-realnosti>
2. *Белоглазова Л. А.* Бытие и игра (постановка проблемы) / Л. А. Белоглазова. – Воронеж, 2007.
3. *Кравченко С.А.* Нелинейная социокультурная динамика: игризационный подход: монография/ С.А.Кравченко. – М.,2006.
4. *Шалаев В.П.* Актуальная синергетика : человек и общество в эпоху глобальных трансформаций / В.П. Шалаев. – Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013.

Норма, стереотип, традиция в истории культуры

Д.В. Ерышов

г.Армавир, Армавирский православно-социальный институт

Актуальность темы обусловлена ослаблением роли традиций в современном информационном обществе и одновременно возрастанием влияния норм и стереотипов на общество и культуру. Под стереотипом следует понимать традиционный, привычный ход мысли, восприятия и поведения. стереотип имеет сходство с социальной нормой, поскольку социальные нормы устанавливают правило поведения в определенном социуме. Что касается термина «традиция», то он используется в русском языке в различных аспектах. Во-первых, служит выражением общих черт, специфики ряда социальных явлений, которые отличаются друг от друга, являясь в то же время однопорядковыми (обряд и ритуал, церемониал и праздник и т. д.). Будучи общим, раскрывает действительную природу общественных феноменов. Во-вторых, это понятие («традиция») употребляется в суверенном значении вместе с понятием обряда, ритуала и т. д. соответственно рассматривается как формообразование того же порядка, (например, воинские традиции). В-третьих, наконец, оно служит синонимом всех понятий: «обычай», «обряд», «ритуал», «праздник» и т. д. Рассматривая различные значения понятия «традиция», которые имеются в нормативно-справочных изданиях, надо отметить, что его полисемантизм признают многие исследователи.

Очевидна схожесть стереотипа и социальной нормы, которая выражена в регуляции человеческого поведения с точки зрения правильности и привычности и, как следствие, в формировании человеком социокультурных ценностей. Очевидна детерминация человеческого сознания с помощью социальных норм и стереотипов. И то, и другое, при таких обстоятельствах, может являться средством управления обществом и культурой. Однако имеются и существенные различия. Стереотип в отличие от социальной нормы не осознаваем человеком.

Следует отметить, что понятия «стереотип», «традиция» и «норма» в антропологическом аспекте тесно взаимосвязаны, если учитывать принцип диалектического детерминизма. Важным связующим звеном между понятиями «норма», «стереотип» и «традиция» служит термин «нормосознание». Стереотип может служить важным инструментом психологической автономности личности, с помощью которого происходит самодетерминация сознания. В этом случае стереотипы выступают в положительной функции, поддерживая модели поведения, как конкретного человека, так и определенной группы, формируя отношение к социальным нормам. Стереотипы помогают произвести формообразующую разметку социокультурной реальности. Традиции обеспечивают устойчивость общества. В то же время они в силу своей консервативности могут сдерживать инновационные процессы.

Таким образом, норма, стереотип и традиция тесно взаимосвязаны через нормативное сознание. Автономность нормативного сознания означает его конструктивный характер, способность конструировать социальную реальность в соответствии с ценностями и идеалами людей, их менталитетом. Факторы гетерономии превращаются в автономные факторы социальной саморегуляции благодаря нравственности. Ввиду недостаточной разработанности проблемы нормативного сознания остается необходимость проведения концептуального философско-антропологического анализа детерминированности нормативного сознания в аспекте взаимосвязи антропологических факторов автономии и гетерономии. Детерминация при этом подразумевает не только обусловленность сознания бытием, но и наоборот, обусловленность сознанием модифицирования общественного бытия.

К вопросу о созерцании в философии

О.Н. Камалова

*г. Ростов-на-Дону. Северо-Кавказский научный центр высшей школы
Южного федерального университета*

Специфика подхода Бердяева в вопросе созерцания тесно связана с проблемой личности и творчества. Творчество включает в себя два момента или стороны: «внутренняя» – творческий замысел, первичная интуиция, творческий акт, в котором человек стоит «перед лицом Божиим» [1, с. 118]; «внешняя» – реализация творческого замысла. Первая сторона связана с «горением духа», вторая подчинена нормам и законам, есть «охлаждение» [там же, с. 119]. В соответствии с этим интуиция или созерцание как «высший акт творчества» противостоит выводному знанию или дискурсии, последнее отождествляется с наукой. Дискурсивное, пишет Бердяев, – необратимая «необходимость, принудительность и бездуховность, порочный круг» [2, с. 64].

Особое внимание Бердяев уделяет анализу философской интуиции, описание которой сопряжено с пониманием задач философии и назначением философа. «Философия должна быть свободна от всякого вне ее лежащего авторитета ... Но не может быть философия оторвана и отвлечена от глубочайших источников бытия, от жизненно-религиозных соков, которые находит философствующий человек в своем микрокосме... Истина религии открывается человеку Божеством. Философия есть познание. Истина философии открывается человеком. Соединение божественного и человеческого, религиозного и философского в окончательном познании единой Истины совершается не внешним авторитетом и подчинением, а внутренне свободным творческим актом... Религиозное откровение для философии есть интуиция философа. Благодатная помощь Божья в философском познании, без которой не может быть постигнута цельная и окончательная истина, не может быть методом философии – она может быть лишь даром, посылаемым за творческий подвиг познания» [там же, с. 82]. Схожие идеи о взаимосвязи философии и религии, характерные в целом для русских религиозных философов начала XX в., высказывает Б.П. Вышеславцев: «Мудрость не выясняется никаким рассудочным знанием, но достигается только путем прозрения, разъяснения путем философского пророчества, ибо любовь к божественной мудрости, сама философия, есть «зеркало», в котором спасительная мудрость пусть

«загадочно», «частично», все же появляется. Интуиция и диалектика суть методы философии.... Мудрость нужно искать там, где философия соприкасается с религией» [3, с. 133].

Бердяев пишет о том, что не только святость, но и гениальность есть путь и «творческие экстазы на этом пути не менее религиозны, чем экстазы святости». А поскольку Бог предназначил человека к гениальности, творческий опыт гениальности должен быть признан религиозно равноценным аскетическому опыту святости и творческий путь философа требует жертвы не меньшей, чем жертвенность аскета [2, с. 206].

Возвращаясь к вопросу о соотношении интуитивного и дискурсивного, Бердяев пишет, что в философии всегда значима творческая интуиция, а не доказательность дискурсивной мысли. Поскольку интуиция выше дискурсивного критерия, философ одинок, а философия не может быть для всех. Что касается выражения философских идей, то в философии истина «показывается и формулируется», а не «доказывается и обосновывается».

В критике дискурсивного мышления Бердяев сближается с А. Бергсоном, но критикует его за недооценку творческого характера интуиции: «Для Бергсона творческий акт возможен лишь в условном смысле, лишь в смысле вхождения в подлинную действительность, а не в смысле творческого прироста в самой действительности» [там же, с. 402]. Бердяев, напротив, постоянно подчеркивает активный характер интуиции, имманентную связь ее с творчеством, глубиной развития личности. С одной стороны, интуиция – это дар, тесно связанный с вдохновением, которое нельзя вызвать произвольно, с другой, человек еще должен духовно «дорости» до того чтобы услышать «внутренний призыв» к творчеству, осознать творческий замысел и суметь донести его до общественности.

ЛИТЕРАТУРА :

1. *Бердяев Н.* О назначении человека. М., 1993.
2. *Бердяев Н.* Смысл творчества. Paris: YMCA-PRESS, 1991.
3. *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии. Изд-во им. Чехова. 1955. С.133.
4. *Буйло Б.И.* Философия истории в творчестве Н. Бердяева// Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 2. С. 8-11.

**Современное общество:
от абсолютной безопасности к приемлемому риску**
О.Ю. Колосова

г. Ставрополь, Российский государственный социальный университет

В современном мире принципиальным образом изменяется социальный статус техники, превращает ее в фактор, определяющий будущее человечества. Научно-технический прогресс способствует применению сложных технологических систем, крупных промышленных комплексов, абсолютная надежность которых недостижима. Причина возникновения чрезвычайных ситуаций кроется не только в различных несовершенствах техносферы, но и в сложнейших процессах развития общества. Каждая глобальная проблема становится вероятной причиной катастрофы. Необходимо знание потенциальных опасностей, что позволит принимать превентивные меры для предотвращения серьезных последствий катастроф. Однако, как правило, традиционным является пренебрежение предупредительными мерами, предпочтение отдается конъюнктурным потребностям. В результате даже изученные опасные тенденции оказываются не учтенными, и, как результат, возникают чрезвычайные ситуации.

Устойчивое развитие общества предполагает решение задачи управления рисками. Невозможно немедленно отказаться от многих опасных технологий. На данном этапе возможно лишь сделать их более безопасными, застраховать те риски, с которыми приходится иметь дело.

Для предотвращения катастроф необходимо использовать долгосрочные прогнозы. Современное человечество поставлено перед необходимостью выбирать стратегию своего развития, проектировать свое будущее на срок, больший, чем жизнь двух – трех поколений. Значительной частью этого будущего является установление спектра рисков, которые общество не считает неизбежным. Более того, масштабность проблем и безотлагательность их решения, необходимо объединить в единую научную дисциплину – теорию безопасности, которая могла бы стать широким обобщающим междисциплинарным подходом, способным сыграть важную роль в выборе путей развития нашей цивилизации.

Отдельно взятое государство оказывается нередко не в состоянии снизить опасности и смягчить последствия чрезвычайных ситуаций, обусловленных глобальными проблемами. Успех возможен лишь при скоординированных стремлениях всего мирового сообщества. Из-за беспрецедентного роста масштабов современного промышленного производства и его воздействия на окружающую среду в методах управления региональными рисками приоритетом является природозащитное взаимодействие стран и регионов. Решение этой проблемы, помимо трудностей научного характера, осложнено политическими факторами, так как она включает в себя задачи управления трансграничными рисками, связанные с поисками компромиссных решений между странами, обладающими различными видами опасных производств.

Символами XX века был технический прогресс, расширенное воспроизводство, экстенсивный рост. Императивы XXI века иные – устойчивость, безопасность, качество жизни. Чтобы защитить человечество в целом и каждого конкретного человека, необходима не только научная система взглядов на способы управления рисками катастроф и стихийных бедствий, но и конкретная система программных мер по снижению рисков и смягчению последствий чрезвычайных ситуаций.

Значимые аспекты изучения процесса межличностного общения и познания в новых постсоветских реалиях

Ф.М. Мустафаев

*г. Махачкала, Дагестанский государственный
педагогический университет*

Потребность в межличностном общении заложена в общественной природе человека, в его естественном стремлении делиться своим опытом, эмоциями и мыслями, что способствует появлению и развитию различных социальных общностей. С одной стороны, потребность в межличностном общении актуализируется в стремлении людей к сближению и освоению культурных ценностей, специализации и идентификации. А с другой – в зависимости от смысловой направленности ценностных ориентаций, общение может проявляться в качестве аспекта, типа, вида межличностного взаимодействия и деятельности, способа их коммуникации, как познавательный культуросозидательный процесс и как социокультурное явление.

Таким образом, в жизни человека общение выступает как многогранный, многофункциональный и многоуровневый процесс социально-культурных отношений индивидов и социальных общностей. В рамках этих отношений общение выступает в качестве необходимого условия организации жизни и деятельности, в которой и деятельность, и общение объединяются в одно социокультурное действие, в один социокультурный контекст.

Из довольно распространенной трактовки понятия «общения» как процесса субъект-субъектной коммуникативности, в котором происходит обмен информацией, опытом, знаниями, навыками, умениями, результатами деятельности на основе общего интереса и вида деятельности можно выделить одну общетипологическую черту – взаимодействие (интеракция) индивидов, общностей, общества. Притом социальные нормы, система социокультурных ценностей в процессе межличностного общения выступают в качестве движущей силы, преобразуя и превращая порой смутные импульсы человеческой природы в конкретность и многокрасочность социальных событий, явлений и т.д.

Индивидуальные способы межличностного общения существуют как формы представлений и ожиданий относительно межсубъектного взаимодействия, так и в виде некоей склонности или готовности вступать в определенно-го рода взаимосвязи. Целостному осознанию самоценного смысла и социальной значимости активных и устойчивых кругов общения¹ способствует раскрытие механизмов его диалоговой сущности. Межличностное общение в режиме диалога органически связано с полюсами двойственности точек зрения общающихся, явных и скрытых противоречий, столкновений и конфликтов.

Социокультурная обусловленность поливариантных, устойчивых и активных кругов общения ориентирует на целостное понимание его многофункциональности, где субъекты межличностных отношений выступают на различных социальных уровнях своей идентификации и социализации. Посредством идентификации общей культурной ценности субъекты межличностного общения выступают в разных социокультурных ролях, получают возможность принять на себя роль своего партнера, определить социальное значение его действий и развить в ответ адекватные действия совместно [1].

¹Термин «круги межнационального общения» можно обозначить как систему реально имеющихся связей и отношений людей различных национальностей, зависящих от устойчивых, достаточно многочисленных, долговременных, родственных, соседских, формальных и неформальных, количественных и качественных факторов.

Смысловая многозначимость активных и устойчивых кругов межличностного общения, интерпретации одного явления через образ другого формируют способы мыслительной деятельности, сопереживания, идентификации и установления общих социально-культурных позиций. Их установление во многом связано с каким-либо идеальным началом, которое способствует превращению творческих потенций, культурных ценностей и ориентаций в реальность человеческого бытия, интеракции, взаимную идентификацию субъектов своих социальных позиций, посредством отождествления самих себя в рамках единой для них общей ценности.

Под влиянием окружающих и в силу взаимодействия с ними у каждого человека образуются более или менее конкретные эталоны, пользуясь которыми он дает оценку другим людям. Чаще всего формирование устойчивых эталонов протекает незаметно для самого человека. Психология с самого начала заинтересовалась проблемой формирования и бытования устойчивых моделей и образов восприятия и оценки мира; можно сказать, что они были и остаются для этой науки своего рода проблемной базой. Неудивительно, что в психологии конкурируют различные классификации стереотипов. Так, согласно одной из них (В.Л. Панферов), стереотипы подразделяются на три класса: 1) антропологические; 2) социальные; 3) эмоционально-экспрессивные. В рамках другой классификации (А.А. Реан) предлагается выделять шесть групп социально-перцептивных стереотипов: 1) антропологические; 2) этнонациональные; 3) социально-статусные; 4) социально-ролевые; 5) экспрессивно-эстетические; 6) вербально-поведенческие [2].

В силу своей специфической полифункциональности устойчивые, активные и бесконечно вариативные круги общения способствуют возникновению такого явления как подражание, внушение, убеждение, появлению реальной возможности обмениваться социальной информацией между людьми разных поколений, эпох, стран, общественных систем.

В новых реалиях постсоветского развития есть смысл исследовать проблемы межнационального общения с позиций субординации, конкретности, историчности, региональной специфичности, постоянно возникающих новых явлений и процессов и т.д. Устойчиво сложившиеся, стабильные межнациональные отношения постепенно формируют психологию и культуру позитивно-оценочного восприятия инонациональных ценностей, уважитель-

ного отношения к языку, традициям, обычаям других народов, установку осуждения любых форм проявления национализма, высокомерия и амбициозности, иммунитета к национальному эгоизму и т.д. Межнациональное общение как социальное явление выступает и как социальный институт, где формируются «школы» и «университеты» межнациональных знаний, умений и навыков воспитанного, гибкого, внимательного, оценочно-толерантного, отзывчивого, уважительного отношения ко всему инонациональному.

ЛИТЕРАТУРА :

1. *Бодалев А.* Психология межличностного общения. Рязань, 1994; Ломов Б.Ф. Общение как проблема общей психологии. М., 1964; Каган М.С. Мирообщения: проблемы межсубъектных отношений. М., 1988.
2. *Панферов В. Н.* Восприятие и интерпретация внешности людей // Вопросы психологии. 1974. №2; Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб., 1999. С. 323.
3. *Мустафаев М.Б. Мустафаева М.Г.* Некоторые элементы педагогики межнационального общения // Достижения и современные проблемы развития науки в Дагестане. Махачкала, 2001.
4. *Катеринич О.А.* Этническая культура как интегральное качество этнической общности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1.
5. *Шаповал Г.Н., Камалова О.Н.* Особенности протекания адаптационных процессов при организации учебно-воспитательной работы с иностранным студентам // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 3.
6. *Колосова О.Ю.* Глобализация и национальные формы глобализационных стратегий // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 2. С. 58-64.

Автономия индивидуальности в диалогическом праве

Т.А. Ромас

г. Армавир, Армавирский православно-социальный институт

Диалог – это адекватное информационное и ценностно-смысловое самораскрытие индивидуально-личностной автономии, которое дает шанс на Встречу с Другим, личностью, или же подлинным образом культуры. В таком случае диалогическое право означает не слепое следование наличным нормам, а особое правопонимание и правотворчество в горизонте идеала справедливости. Право порождается обществом и культурой и не может быть выше существующей культуры и ее активного ядра - морали.

Право исходит из автономного индивида как личности, которая утверждает свое правовое бытие посредством правового сознания. Специфика автономии правового сознания заключается в его основании, «социальном акте», точнее, социальном действии. Правовой социальный акт предполагает особого субъекта (свободной и ответственной личности), осознающего свои права и обязанности. Позитивное право лишь выражает правовое синтетическое априори («аксиомы правового сознания»), но не создает реальных правовых отношений. Правовое бытие имеет смысл общесоциального самозаконного акта. Онтологический смысл правового априори в установлении границ для активизма и идеализма «естественного права». При рассмотрении специфики форм автономии правового сознания можно говорить о стабильности правовых оснований и (формальной) непротиворечивости правовой формы сознания. Такая стабильность позволяет сделать вывод о более высокой степени автономности правового сознания по сравнению с политическим. Общее благо стоит в ряду правовых ценностей выше индивидуальных прав. Автономия личности и индивидуальность при этом не ущемляются. Они временно «закрываются в скобки» с тем, чтобы зафиксировать самую абстрактную общечеловеческую ценность, общее благо как закон государства. Внутренние условия правового сознания не только зависят от внешних условий, но обладают собственным внутренним культурным потенциалом ненасилия («справедливость»).

Модель критического диалога при рассмотрении права предполагает обнаружение противоречий в правовом сознании. Особенно ярко они обнаружи-

лись в личностных правах человека. Личностные права человека – нестабильные, экзистенциально неустойчивые, противоречивые, парадоксальные формы правового сознания и правового бытия, связанные с диалектикой социокультурного развития человека в системном единстве его прав на душу и тело. Личностные права определяются сущностной спецификой плюралистических социокультурных форм бытия человека в их взаимосвязи с духовностью, субъективностью и телесностью.

В правовом диалоге отчетливо выражен момент социальности. Суть коммуникативного действия состоит в необходимости и неизбежности для индивидов самим отыскивать и применять такие рациональные основания, которые способные убедить людей, склонить их к согласию]. Цель правового диалога заключается в том, чтобы находить взаимопонимание, уменьшать насилие и увеличивать ненасилие.

Таким образом, автономия индивидуальности - это способность индивида к самотворчеству, тесно связанная с этическим и правовым творчеством. Диалогические этика и право имеют под собой общие основания, как бы «уходят в них» при углубленном аналитическом рассмотрении. Диалогическое взаимодействие этики и права основывается на широком поле культурных ценностей. Современные варианты новой диалогической этики и диалогического права требуют расширения культурного и социального контекстов.

Историческая колонна в г. Ишиме как мифо-культурный топос

Г.В. Сильченко

*г. Ишим, Ишимский государственный
педагогический институт им. П.П. Ершова*

Среди произведений монументального искусства, участвующих в создании постоянно существующей архитектурно-пространственной среды, можно выделить различные типы колонн (триумфальные, исторические, ростральные и др.), которые создаются «для конкретной архитектурной среды, отличаются значительностью идейного содержания, обобщенностью форм и крупными масштабами» [1, с. 105]. 30 декабря 2011 года на Привокзальной площади Ишима была открыта Историческая колонна, авторами которой выступили представители Екатеринбургского художественного фонда.

Колонна, как и ряд других образов (гора, крест, лестница), в мифологических представлениях может быть соотнесена с символом мирового дерева, то есть она выражает собой модель вселенной: выступая центром мироздания, данный образ задает вертикальную и горизонтальную структуру космоса, дифференцирует и идентифицирует его части, задает мифо-ритуальную организацию мира. Можно утверждать, что и ишимская колонна, выступая осевым образом, дает представление о городе, его включении в пространственно-временной континуум. Подтверждением этому служит и дата установки данного памятника: колонна была официально открыта в канун Нового года, тем самым можно говорить о сакрализации времени. Колонна связана как с историей Ишима, так и включает город в космические временные процессы.

Венчает колонну герб города – золотой карась на синем фоне, то есть вертикаль колонны задает определенные духовные ориентиры. Герб, с одной стороны, включает Ишим в духовное пространство Сибири, а с другой – его символика подчеркивает самобытность данного города, указывает на природные богатства ишимского края: карась – это одна из основных пород рыбы, которые обитают в озерах Приишимья. Однако окрас карася в золотой сакральный цвет может восприниматься как приобщение города к священному миру высших духовных ценностей.

Основание колонны представляет собой четырехгранный пьедестал, стороны которого украшают барельефы, отражающие ключевые даты дореволюционной истории Ишима: 1687 год – основание Коркиной слободы; 1720 год – образование Ишимского дистрикта (округа), учреждение Никольской ярмарки; 1782 год – Коркина слобода приобретает статус города и переименовывается в Ишим; 1913 год – открытие железной дороги Тюмень – Омск и включение Ишима в Транссибирскую магистраль.

События, которые нашли отражение на основании, значимы не только с исторической точки зрения, но и продолжают оказывать влияние на культурный образ Ишима и самосознание его жителей. Такова Никольская ярмарка, которая была возрождена в 90-е годы XX века и тем самым связала императорскую и постсоветскую историю города. Включение города в Транссибирскую магистраль может рассматриваться в качестве символического вхождения Ишима в движение истории в XX веке, неслучайно колонна установлена на Привокзальной площади города.

Можно сделать вывод, что Историческая колонна в Ишиме моделирует мифо-культурное пространство города, являясь сакральным центром, она концентрирует смысловые и культурные коды, репрезентирующие город.

ЛИТЕРАТУРА :

1. *Гоголев, К.Н.* Мировая художественная культура: универсальный словарь-справочник от «А» до «Я» [Текст] / К. Н. Гоголев. – М.: Фирма МХК, 2000. – 208 с.

Проблема личности в духовном измерении

К.Н. Симонян

г.Армавир, Армавирский православно-социальный институт

Рассмотрим характеристики личностного бытия, которые задают для православной антропологии, а также связанных с ней гуманитарных исследований личностную модель, опирающуюся на целостную терминологическую систему. К числу наиболее существенных характеристик относятся: нередуцируемость к природе, свобода и открытость; творческий характер, неповторимость (уникальность), целостность и монадная неделимость, неуловимость (непознаваемость) аналитическими объективизирующими методами.

Несводимость к природе надо интерпретировать учением о единосущных Лицах Троицы и учением о личности как предельно глубоком отражении образа Бога в человеке. Нередуцируемость личности к природе вытекает из православной христологии. Например, несводимость понятий «личность» к понятию «индивидуальность» предполагает отвержение известного несторианского учения. А в результате отвержения аполлинарианства следует несводимость личности к высшей части его природы – уму (или духу). Богословская трактовка личности не сводит ее к воле. Воля Лиц Троицы благодаря Их единосущию едина. Отсутствие во Христе личности не означает – и это следует из критики монофелитства – отсутствия в Нем природной, человеческой воли. Положение о несводимости личности к воле представляет богословскую основу всей традиционной православной практики аскезы, послушания и, наконец, отсечения воли.

Второй чертой личностного образа бытия, который выделяется в православном богословии уже в XX веке, стала свобода. Данная характеристика личности следует, во-первых, из утверждения онтологической первичности личности в отношении сущности, что предполагается учением о монархии Бога-Отца, и, второе, из учения о сотворении Богом мира (из ничего). Личность человека не детерминированна ни своим естеством, природой, ни социальной либо культурной средой. Поскольку она определяет образ существования природы. Мир и человек сотворены Богом, сотворены из ничего, поэтому личность не детерминируется даже Божественной природой.

Личностный образ существования, бытия человека имеет свое предпосылкой открытость. Данная характеристика личности является в православном богословии следствием учения о единосущии всех Лиц Пресвятой Троицы, об особом способе существования Бога в различных нетварных энергиях, то есть вне его Собственной сущности, а также о Боговоплощении. Открытость личности проявляется в восприятии иного, и высшей формой данного иного является усвоение нетварных Божественных энергий, обожение, а также и в отдаче своего времени, сил, способностей, содержания своей индивидуализированной природы. Личностная открытость проявляется в общении, которое приводит к единению, состраданию, сопереживанию, соучастию, выражаясь не только в бескорыстном жертвенном служении людям, но и в и в принятии их индивидуальных и социокультурных особенностей.

Личностная уникальность связана с нередуцируемостью личности к природе, другими словами, абсолютную инаковость ее, во-первых, в отношении к видовой природе (сущности), во-вторых, в отношении к индивидуализированной природе (индивидуальности) и, наконец, в-третьих, в отношении к другим личностям.

Таким образом, личность несводима к природе, она свободна, открыта, является творческой и уникальной, целостной в смысле неделимости и нерушимой идентичности, она непознаваема аналитическими объективирующими методами.

Статус красоты как принципа научного познания

П.А. Сеникина

г. Ульяновск, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Известный российский философ науки С.В. Илларионов относит принцип красоты к «сомнительным кандидатам» на статус методологических принципов, наряду с принципом объяснения и принципом дополнительности (Илларионов С.В. Теория познания и философия науки. – М.: РОСПЭН, 2007.) Методологические принципы научного познания определяются при этом как «регулятивы, общие требования, накладываемые на способ организации и содержание научного знания, и как критерии научности» (с. 139). Философ настаивает на том, что «методологические принципы обладают не только регулятивной, ограничивающей функцией, но и эвристической», и что эти функции «очень тесно связаны между собой» (с. 139). С.В. Илларионов особо отмечает, что «методологические принципы, являясь критериями научности, не являются критериями достоверности, правильности научного знания, в особенности теорий» (с. 140).

Итак, принцип красоты С.В. Илларионов относит к «сомнительным кандидатам» в принципы научного познания. Я готова опровергнуть аргументы философа, который критериями отбора кандидатов в научные принципы предлагает считать их (1) «наибольшую обсуждаемость» и (2) «серьезность претензий на статус методологического принципа». Первый аргумент не убедителен: люди могут заблуждаться, кроме того, существует научная «мода». Второй аргумент слаб: как измерять серьезность? Точно также неубедителен (3) аргумент «достаточной жесткости» («Научный метод достаточно жестко ведет ученого к правильному результату» (с. 140)), ведь такую «жесткость» невозможно измерить.

Ученого далее не устраивает то, что красота не поддается однозначному определению. Этот аргумент не серьезен: многозначность понятия не доказывает отсутствие феномена, им определяемого.

Философу не нравится также, что «понятие красоты очень субъективно, и то, что один субъект считает красивым, другой представляет себе совершенно иначе» (с. 216). Но если объективными признаками того, что в науке назы-

вают красивым, оказываются признаваемые самим Илларионовым простота, инвариантность, системность, симметрия, компактность, лаконичность, то не понятно, что запрещает нам обозначить *полноту* и *одновременность* присутствия этих признаков красотой и использовать последнюю в качестве законного принципа научного познания?

С.В. Илларионов пишет: «Некоторые авторы пытались связать красоту теории и ее истинность. Но мы очень часто говорим: красивая идея, но, к сожалению, неправильная. Можно сказать, что все правильные теории мы считаем красивыми, но и многие неправильные теории тоже красивы. Так что связь красоты с истинностью является более чем проблематичной» (с. 216 – 217). Первый ответ на это: разве неправильные теории не бывают системными, инвариантными, простыми? И второе, что важнее: автор забывает о своем собственном предупреждении, что «методологические принципы, являясь критериями научности, **не являются критериями достоверности, правильности научного знания**, в особенности теорий» (с. 140), они лишь направляют ученого к верному решению проблемы. По свидетельству многих ученых (Гейзенберг, Дирак), красота может направлять деятельность ученого совершенно *определенным* образом, подсказывая верный путь к истинному знанию, что позволяет говорить о красоте как о важном методологическом принципе в системе методов научного познания.

Социологический аспект роли и места ислама в жизни современной дагестанской молодежи

О.А. Тагирбекова

г. Махачкала, Дагестанский государственный университет

Резкий и очевидный рост религиозности населения во всех посткоммунистических странах в последние десятилетия стал одной из причин бурного обсуждения места и роли религии в современном обществе.

Оказавшись в состоянии идеологической аномии, после распада коммунистической партийно-государственной идеологии, массовое сознание постсоветской эпохи "оттолкнулось" от обязательного прежде атеизма и "качнулось" в сторону религиозной веры [1, с. 93].

Особенно заметный подъем религиозности отмечается в Республике Дагестан, где наблюдается один из высоких уровней мусульманской самоидентификации (96%). По данным социологических исследований, (в выборку вошли более 2000 респондентов в возрасте от 15 до 30 лет на май 2011г.) 93,9% молодежи относят себя к числу верующих. 79,8% респондентов высказали мысль о стремлении следовать религиозным нормам регулярно, 86% молодежи отметили, что религия необходима современному обществу, и 46% опрошенных считают, что верующие люди обладают более высокими нравственными качествами по сравнению с неверующими. Очевиден большой интерес молодежи к религии, которая воспринимается ею как носительница общечеловеческих духовных ценностей. На первый взгляд, полученная информация позволяет сделать вывод о том, что в последние годы религиозность молодежи Дагестана носит массовый характер. Однако напомним, что в исламе, как и в других религиях, существуют определенные требования (посещение мечети, ежедневный пятикратный намаз (молитва), пост в месяц Рамазан, чтение Корана, религиозной литературы и т.д.). По данным нашего исследования, регулярно посещают мечеть лишь 22,3% верующих (преимущественно мужчины), 49,4% делают это изредка и 28,3%-никогда. Ежедневную пятикратную молитву совершают 48,2% молодежи, постятся в месяц Рамазан – 63%, систематически читают Коран и религиозную литературу 6% молодежи. Другими словами, основная масса верующих в Бога не соблюдает традиционных требований ислама, их поведение религиозно не институциализировано. Реальность показывает нереализуемость вышезаявленного желания: следовать религиозным нормам регулярно (79,8%). Вероятно, большая часть молодых людей имеют фрагментарные и неопределенные представления о характере религиозных норм и требований и об исламе в целом.

На наш взгляд, именно неглубокая религиозность привела к парадоксальному факту, что лишь 29% молодежи хотели бы жить в религиозном (шариатском) государстве, 51,1% предпочли жить в светском государстве и 19,9% затруднились с ответом на этот вопрос.

В целом, оценивая религиозную ситуацию в республике, можно отметить, что Дагестан один из высокорелигиозных регионов России.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод об относительно позитивном восприятии религии молодежью, при этом прослеживается не

вполне осознаваемая принадлежность к ней. В настоящий момент религия не может претендовать на роль молодежной идеологии, и хотя специалисты заявляют о том, что сдвиг массового сознания в сторону религиозности означает не столько смещение в сугубо теологическую сферу, сколько в «атрибутивную», тем не менее, мы наблюдаем, что в республике проистекает явное и резкое возрождение религии, усилении ислама, его социальной и политической активности. Этот процесс несет в себе как позитивные, так и криминально значимые составляющие. Поэтому на нынешнем этапе становления государственности, а также в условиях активизации религиозного фактора не вызывает сомнения необходимость формирования политики, которую можно назвать конфессиональной (по аналогии с экономической, культурной и др.). Эффективность этой политики должна обеспечиваться двумя ее качествами. С одной стороны, это ориентированность на защиту национальных интересов, с другой стороны – следование демократическим принципам [2, с.28].

ЛИТЕРАТУРА :

1. *Новикова Л.Г.* Основные характеристики динамики религиозности населения. //Социологические исследования, №9, -1998 г.
2. *Овсиенко Ф.Г.* Политизация конфессий и клерикализация политики: тенденции развития и риски в российском обществе. Ф.Г.Овсиенко//«Религиоведение». -2002. №2.

Парадоксы теории и практики правового государства в современной России

С.Е. Туркулец, А.В. Туркулец

*г. Хабаровск, Дальневосточный государственный
университет путей сообщения*

Общеизвестно, что к числу признаков правового государства, прежде всего, относят: верховенство права и закона, приоритет прав и свобод человека и гражданина, развитие институтов гражданского общества, правовой культуры граждан, взаимную ответственность государства и гражданина.

Современное состояние российского общества отличается социальными парадоксами. С одной стороны, правовая культура общества повышается, поскольку граждане, опираясь на правовые знания, стремятся к самозащите своих законных интересов. Повсеместное правовое просвещение (телепередачи «Час суда», «Встать: суд идет!», широко доступное платное юридическое образование и т.п.) призвано научить людей не столько теоретическим «азам» юриспруденции, сколько порядку и процедурам обращения в официальные органы для осуществления своих прав. Это инициирует и активное участие граждан в правотворческой деятельности государства, в том числе и в статусе общественных экспертов. С другой стороны, правосознание граждан отличается нигилистическим настроением, так как коррупция активно процветает (ведь главным фактором принятия решений выступают финансовые рычаги) и государственные структуры не особо стремятся выполнять свои задачи по защите прав и интересов населения.

Реформирование правоохранительных структур (МВД, прокуратура, Следственный комитет), заявленное как система мер по усилению и обеспечению законности, на деле оборачивается сокращением работающих «на земле» участковых, оперативных работников, следователей и увеличением числа коррупционных преступлений в данных структурах.

Взаимодействие институтов гражданского общества с официальными структурами власти формально осуществляется на конституционно-правовых принципах. Реально же государственная власть подчинена экономическим интересам российских (и зарубежных, инвестирующих российскую экономику) олигархов. «Успехи» институтов гражданского общества проявляются не в деле защиты прав и законных интересов граждан, а в способности небольшого слоя экономически благополучных граждан оказывать определяющее воздействие на государственную политику.

Свобода рыночной торговли развивается в направлении экстенсивной реализации природных и иных национальных богатств России. Внешне-экономические связи по-прежнему ориентированы на экспорт сырья. Расширены «коридоры для инвестиций», зарубежный капитал допущен во все «уголки» экономической сферы. Разрыв между бедными и богатыми растет. Успеха достигают предприимчивые, лишённые архаического «морального комплекса» люди.

Несмотря на правовым образом закрепленную возможность участия граждан в делах государства, на деле частные интересы превалируют. Граждане обращаются в органы власти только для разрешения собственных споров, а не с целью принимать ответственные решения, значимые для всего общества. Обратная связь в системе социального управления формально существует, но не реализуется на практике.

Эти и подобные им парадоксы не могут быть преодолены в рамках наличных социальных условий. Необходимо обратиться к поиску новых фундирующих оснований правового государства. Это перспективная задача как для философов, социологов, экономистов и других специалистов в области социального знания, так и для широкой гражданской общественности.

Стратификация в контексте социальных исследований

А.В. Туркулец, С.Е. Туркулец

*г. Хабаровск, Дальневосточный государственный
университет путей сообщения*

Одной из тенденций развития современных социальных исследований является переосмысление традиционных научных категорий. Настоящее требовательно диктует необходимость рефлексии устоявшихся в науке смыслов. Наиболее ярко это проявляется в исследованиях процесса стратификации общества, в которых наблюдается формирование альтернативных способов концептуальных рассуждений и практических методик исследования.

В теоретическом плане здесь заметны сдвиги в сторону популярных зарубежных теорий, многие из которых, на наш взгляд, методологически не всегда обоснованы и не апробированы в конкретных условиях реального общества. Отметим лишь некоторые из них: теория структуризации Э. Гидденса, неофункционализм Дж. Александера, функциональный структурализм Н. Лумана, структуралистский конструктивизм П. Бурдьё. Замкнувшись на эпистемологических проблемах «высокой науки» теоретики несколько отделились от исследования насущных жизненных процессов.

По отношению к стратификационным процессам современное российское общество переживает своеобразную «вуальную социальную революцию», которая происходит не столь заметно и ярко как политические трансформа-

ции (инициируемые зачастую с целью затушевать, скрыть подлинные преобразования социальности), но оказывает более значительное влияние на дальнейшие перспективы развития современности.

Понятие «социальная стратификация», которое широко используется в современных социальных исследованиях и определяется как некое структурированное неравенство между людьми в обществе (причем в выборе критериев данного неравенства исследователь ограничен только собственно фантазией), нуждается в серьезной практической проверке.

Расслоение социальной ткани приводит к формированию диффузной (ризомной) структуры, каждый компонент которой, с одной стороны, блокирован в своих социальных инициативах централизованной формально-контрольной системой управления, а с другой стороны, оставлен без всякой поддержки перед лицом «разгульной демократии практической жизни».

В трещинах социального пространства современного российского общества зарождаются оппозиционные движения всевозможной ориентации, направленные скорее на дальнейший хирургический разрыв единой ткани социальной жизни, чем на длительное терапевтическое и терпеливое формирование социального единства общества.

Различие социальных практик действующих на свой страх и риск индивидов, даже принадлежащих к одной социальной группе (слою, страте, классу), в этих условиях настолько значительно, что с трудом поддается традиционным методам социального анализа. Безусловно, реквизит социальной методологии нуждается в инвентаризации и качественной переработке. Однако стремление использовать модные сегодня методики исследований, подкупающие своими быстрыми и наглядными статистическими результатами, дающие «бесспорные факты», «столбцы цифр», «графики и диаграммы», не является перспективной и научно-добросовестной стратегией. Развитие лишь технической стороны исследований способно привести только к упрощенным представлениям о социальной жизни. Этот «ползучий эмпиризм» можно преодолеть посредством теоретико-методологических подходов, направленных не только на анализ текущих социальных проблем, но и моделирование социальных перспектив развития общества.

Базовые духовные ценности российского человека

О.В. Федотенкова

г. Армавир, Армавирский православно-социальный институт

Предлагается концептуальный подход к релятивизации духовных ценностей. Релятивизм означает отрицание абсолютного начала. В реальности ценности соединяют в себе относительное и абсолютное. Светская культура дает импульс тенденции релятивизации, а религиозная культура – абсолютизации.

Основные этические ценности христианского православия (личность и семья) служат барьером для распространения культурного нигилизма. Релятивизация этических ценностей смещает баланс между относительным и абсолютным в сторону относительного и тем самым служит социокультурным фактором нигилизма. Системообразующими культурными концептами религиозной этики в динамическом аспекте являются «самодостаточность», «смирение», «воздержание» и другие. Суть системы концептов православия состоит в сохранении этической автономии, обеспечивающей гармоничное отношение личности с обществом и государством на основе морали. Это показывает христианскую мораль в качестве одного из возможных ответов на вызовы современной глобализации и нравственного кризиса.

Семья – важнейший социокультурный институт, который позволяет судить как о кризисе личности, так и позитивных результатах прохождения этого кризиса. Семья – малая группа, основанная на браке или кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопониманием.

Недостаточно обращается в философской литературе внимания на необходимость анализа понятия семейной автономии наряду с автономией личности и общества. Семейная автономия – это самозаконность семейно-брачных отношений, которая развивается в контексте общих закономерностей культуры и социума. Эта самозаконность представляет собой суперпозицию личностных автономий всех членов семьи. Семейная автономия отличается от личностной автономии, с одной стороны, и от социальной автономии (государства, нации, права и т.д.), с другой стороны, своим необезличенным характером, своими культурными контекстами.

Взаимодействие личностного пространства семьи и аксиологической суверенности личности (ее автономии) представляет собой двухсторонний динамический процесс, гармоничное отношение личности к ее среде и шире – к окружающему ее социальному пространству. Гармоничное отношение предполагает адекватное сочетание открытости и закрытости личности по отношению к другим людям в этом пространстве. Самораскрытие может быть релевантным (уместным) или нерелевантным, чрезмерно рискованным и неприемлемым, если понимать по ним сообщение другим (партнерам по коммуникации) личной информации о себе. Самораскрытие необходимо не только для правильного самопредъявления личности, но и для сохранения личностной автономии и ее развития в гуманистическом аспекте самоценности личности. Такое пространство по своей сути становится средой и условием саморазвития личности, а не грубой технологией производства специалиста. С другой стороны, автономная и аксиологически суверенная личность представляет собой момент органической («живой») социальности, противостоящий угрозам новых форм отчуждения и манипулирования, которые несет в себе информационная цивилизация. Причиной является гендерное (социальное) неравенство. Информационное общество вызывает кризис брачных отношений. Современная семья ослабляется, брак становится непрочным. Однако брак остается чрезвычайно прочным барьером на пути релятивизации духовных ценностей. Семейная автономия ставит границы информационному вторжению в интимную сферу.

Духовные основания правового сознания русского человека: философский аспект анализа

А.П. Хорошилов

г. Армавир, Армавирский православно-социальный институт

Актуальность данной проблемы обусловлена недостаточной развитостью правового сознания в России, что в конечном итоге обусловлено историей формирования нравственной и правовой культуры русского человека. Западное мышление исходит из древнегреческого понимания правовых норм, которое требовало полного подчинения индивида юридическому закону как космическому началу, судьбе. Ценностные ориентации русского человека

основаны на таком предубеждении, что закон зависит от конкретных людей. Доминирующей ценностной ориентацией в правовом сознании русского человека является убежденность в несправедливости существующего положения вещей и неверие в достижение справедливости законными средствами.

Правовое сознание русского человека основано на специфической психологии («ментальности»), в которой на первое место ставятся традиции и нравственность, т.е. гетерономные факторы сознания. Стремление к нравственному совершенствованию парадоксальным образом ведет к правовому нигилизму. Повышение уровня правового сознания должно идти, идет и будет идти по пути повышения общей культуры сознания и цивилизованности личности, укрепления личностной автономии. В целом происходит кардинальная переоценка ценностей, установок сознания в сторону аксиологической суверенности личности. Основное внимание направлено на смену приоритетов: от системы «государство – общество – личность» к новой системе отношений «личность – общество – государство». В этих двух моделях политико-правовой социализации личности и построения гражданского общества внутренней динамической стороной является перенос акцента в соотношении гетерономии и автономии в пользу автономии личности. За основу берется личность, ее права и свободы. В то же время нельзя забывать, что государство включает «человеческий фактор», поэтому идеальной моделью была бы своевременная корреляция общественной и индивидуальной культуры. А для этого необходимо формирование личностей, которые ощущали бы необходимость главенства права, осознавали потребность в создании развитой системы законодательства, соотносили правовые ценности с нормами морали и политики. Это означает острую потребность в подлинной российской элите, которая заинтересована в поддержке граждан, в которой участвуют достойные люди со сформированным (а не деформированным) правовым сознанием. Под достойными имеются в виду сильные не просто в волевом отношении профессионалы, а духовно сильные, интеллектуально высокоразвитые люди, выдерживающие многочисленные соблазны и искушения абсолютной властью, способные к противодействию коррупции. Основой формирования гражданина является развитое, зрелое индивидуальное сознание как ядро личностной автономии. Личностная автономия – это индивидуальное сознание, творящее индивидуальное бытие. Аналогично обстоит дело с правом:

развитое правовое сознание создает адекватное правовое бытие личности, а система таких личностных отношений создает цивилизованное правовое пространство общества. Очевидно, что основой гражданского общества является автономная личность, обладающая целостным пониманием справедливости на уровне знания, разума и чувства. Остаются нереализованными и в то же время востребованными идеи русских философов о необходимости автономии политического, правового, нравственного, эстетического, религиозного и философского опыта свободной личности. Автономия правового опыта синтезирует и концентрирует другие формы автономного духовного опыта.

Становление философии религии в России

Г.А. Шефф

г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет

В современной философии выделяется особая отрасль – философия религии, которая представляет различные теории религии. Вопрос о том, что представляет собой философия религии, как она соотносится с такими видами знания как теология, религиоведение, религиозная философия является одним из часто обсуждаемых в российском обществознании последнего десятилетия. Для философии религии не утрачивает актуальности вопрос о ее специфике как отрасли философского знания. С этим вопросом связан вопрос о возникновении философии религии в контексте философского знания, который также сохраняет свой дискуссионный характер [1, с. 15-88].

Поскольку представления о философии религии складываются на основе западных теорий религии, отечественная философия религии воспринимается до сих пор многими как критика религии с позиции светского знания. Это обусловлено отчасти тем, что в Советском союзе изучение религии происходило преимущественно в форме ее атеистической критики. В 90-е гг. XX века в России произошел переход от атеистической критики религии к ее научному и философскому осмыслению. В российском обществе пробудился интерес не только к религии, но и к религиозной философии. Было открыто богатейшее наследие русской религиозной философии, в котором, в свою очередь, обнаружилось знание, относящееся к предмету философии религии.

В нашем исследовании установлено, что философия религии в русской религиозной философии фиксируется по своей предметной определенности или, по крайней мере, по наличию в философском наследии русских мыслителей большинства из тех проблем, которые формируют предметную область философии религии. Показано, что первые философские теории религии явлены в философии В.С. Соловьева и С.Н. Трубецкого. Определены основные темы философии религии С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского. Философия религии С.Л. Франка представлена как наиболее развитая в русской философии XX в. теория религии. Определено, что теория религиозного опыта И.А. Ильина является редуцированным вариантом философии религии.

ЛИТЕРАТУРА :

1. *Шохин В.К.* Исторический генезис философии религии: проблема и ее наиболее вероятное решение // Философия религии: альманах. М.: Наука, 2007.
2. *Капустин Н.С.* Этапы развития философии религии // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 6. <http://www.hses-online.ru>.
3. *Шефф Г.А.* Философии религии в отечественной философской традиции первой половины XX в. // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 6. <http://www.hses-online.ru>.
4. *Шефф Г.А., Камалова О.Н.* Некоторые аспекты проблемы гносеологического статуса религии в русской религиозной философии: С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, С.Л. Франк // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 4.

Аксиосфера экологии как основа современной образовательной парадигмы

С.А. Шлюндт

*г. Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет*

Смена культурных эпох и исторических ситуаций обуславливает и изменение содержания и функций современного образования. В основе любой об-

разовательной парадигмы — восприятие мира обществом, поэтому важнейшую роль в ее формировании играет аксиологический подход. Ценностное основание образования, в конкретный исторический период, определяют доминантные ценности в культурном пространстве, которые обеспечивают формирование ценностей в процессе образования. В культурном пространстве современного глобализирующегося общества быстрыми темпами возрастает роль экологии. В связи с этим особое значение приобретает выделение аксиосферы экологии, как ценностной базы, в современной образовательной парадигме. Аксиосфера экологии как система ценностного отношения к окружающему нас миру природы сконцентрировала в себе многовековой опыт взаимодействия людей и природы. Каждый человек включен в образовательный процесс на протяжении всей жизни: с раннего детства до «полной взрослости». Поэтому воспитание экологического мышления, экологического сознания, экологической культуры является обязательным условием образования на всех этапах обучения, для всех учреждений образовательной системы. Важнейшая задача новой экологической парадигмы образования — убедить социум отказаться от идеи «покорения природы» и системно проводить в жизнь взгляды, позволяющие понимать человека как часть природы. Экологическая парадигма в образовании предполагает также организацию непрерывного развития личности в единстве с природой — коэволюцию природы и человека. В качестве критерия, позволяющего оценить ресурсные составляющие человеческого потенциала, и выявить степень сформированности ценностного отношения к окружающей природной среде может быть выбрана экологическая компетентность. Экологическая компетентность — это готовность брать на себя полную ответственность за любую деятельность на основе знания законов развития экологии [1]. В экологической парадигме образования можно выделить два уровня формирования экологической компетентности: общеобразовательный и профессиональный. Первый уровень позволяет экологические знания переносить на практику ежедневно, а второй — на основе сформированных знаний умений и навыков адекватно решать экологические задачи в процессе своей профессиональной деятельности. В качестве показателей экологической компетентности можно рассматривать: ответственность человека перед природой в любых ситуациях, духовное развитие в единстве с природой, овладение средствами, необходимыми

для достижения равновесия в природе, раскрытие творческой (креативной) индивидуальности каждого человека при решении экологических задач, оптимистический настрой на преодоление глобального экологического кризиса. Включение аксиосферы экологии в современную образовательную парадигму позволит культивировать гуманное отношение общества к природе, а также идеалы поведения человека в окружающей природной среде. Аксиосфера экологии существенно повлияет на формирование экологической компетентности обучающихся, что позволит в ходе образовательного процесса подготовить личность, воспринимающую окружающую действительность в единстве природных и социокультурных связей.

ЛИТЕРАТУРА :

1. *Шлюндт С.А.* Компетентностный подход в экологическом образовании // Педагогическое образование в России. 2012. №4 С. 145-150.